

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.038
УДК 81'276.6:327 + 81'373.612.2 + 81'38

И. Т. Вепрева
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

А. Мустайоки
Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия

Ц. Марсар
Монгольский государственный
университет образования
Улан-Батор, Монголия

ЧТО ВАРЯТ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУХНЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

С опорой на публицистический материал русской, монгольской, финской прессы рассматриваются особенности метафорического использования языковых средств, вербализирующих элементы кулинарно-гастрономической сферы в политическом дискурсе. Употребление рус. *кухня*, монг. *гал тогоо* 'кухня', фин. *keittiö* 'то же' в переносном значении, закрепленное в толковых словарях, дает основу для доказательства универсальности бытовой артефактной метафоры в разных языках.

Популярность метафоры кухни как средства концептуализации политической жизни объясняется тем, что кухня и политика — сферы жизнедеятельности, где процесс приготовления пищи, с одной стороны, и проведение самостоятельной политики и принятия решений по каким-либо важным вопросам — с другой, — представляют собой сложное по своей природе явление, требующее определенного мастерства и профессионализма. В результате действий, скрытых от внимания непосвященных, готовится некое «блюдо», качественно не похожее на первоначальный набор исходных компонентов.

Интенсивность политической жизни передается «температурными» лексемами разных частей речи: глаголами «варить», «вариться», «кипеть», «бурлить», «пениться», «ошпариться»; существительными «огонь», «кипяток», «пар»; прилагательными и причастиями: «горячий», «раскаленный», «бурлящий». Универсальные блюда всех политических кухонь — «каша» и «суп», приготовление которых связано с беспорядочным смешиванием ингредиентов в кипящем состоянии, характеризуют сложность и неконтролируемость активной политической жизни.

Анализируемая модель обладает мощным аксиологическим потенциалом. Кухня как компонент мира повседневности часто выступает как изнанка бытия,

* Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006; исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

непривлекательная для посторонних глаз, формируя негативную характеристику политической деятельности, связанной с неблагоприятными поступками и нечистоплотными делами людей, вовлеченных в политический процесс. Кулинарно-гастрономическая метафора вовлекает в свой дискурс также метафору грязи, что усиливает негативную характеристику политической деятельности.

Ключевые слова: метафора; кухня; политика; аксиологический потенциал.

Цитирование: *Вепрева И. Т., Мустайоки А., Магсар Ц.* Что варят на политической кухне: аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 241–257.

Поступила в редакцию 12.02.2019

Принята к печати 18.04.2019

Irina T. Vepreva

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

Arto Mustajoki

University of Helsinki

Helsinki, Finland

Magsar Tseveenii

Mongolian State University of Education

Ulan-Bator, Mongolia

WHAT IS COOKED IN THE POLITICAL KITCHEN: THE AXIOLOGICAL POTENTIAL OF THE CULINARY AND GASTRONOMIC METAPHOR IN JOURNALISTIC DISCOURSE

Referring to journalistic materials of the Russian, Mongolian, and Finnish press, the authors consider the features of the metaphorical use of language means that verbalise the elements of the culinary and gastronomic sphere in political discourse. The figurative use of the Rus. *кухня*, Mong. *гал тогоо*, Fin. *keittiö* “kitchen” fixed in explanatory dictionaries provides a basis for proving the universal character of the household artifact metaphor in different languages.

The popularity of the kitchen metaphor as a means of conceptualising political life is due to the fact that kitchen and politics are spheres of life where the process of cooking, on the one hand, and conducting independent policies and decision-making on important issues, on the other, are complex phenomena in their nature and require a certain skill and professionalism. As a result of actions hidden from the attention of the uninitiated, a kind of “dish” is prepared, and it is qualitatively different from the original set of ingredients.

The intensity of political life is transmitted by “temperature” lexemes of different parts of speech: “cook”, “stew”, “boil”, “seethe”, “foam”, “scald”; nouns “fire”, “boiling water”, “steam”; adjectives and participles: “hot”, “red-hot”, “boiling”. Porridge and

soup are universal dishes of all the political cuisines and cooking them is connected with the indiscriminate mixing of ingredients in a boiling state and characterising the complexity and uncontrollability of active political life and political seasonings.

The model analysed has a powerful axiological potential. Kitchen as a component of the world of everyday life often shows the inside of life, unattractive to prying eyes, forming a negative characteristic of political activities associated with unseemly and unscrupulous deeds of the people involved in the political process. The culinary and gastronomic metaphor involves the metaphor of dirt in its discourse and reinforces the negative characteristic of the political activity.

Key words: metaphor; kitchen; politics; axiological potential.

Acknowledgements

The study was supported by the program 211 of the Government of the Russian Federation, agreement № 02.A03.21.0006; the study was performed with financial support of *Russian Foundation for Basic Research*, project № 19-012-00399A “Axiological Potential of Modern Russian Metaphor”.

Citation: Vepreva, I. T., Mustajoki, A., & Magsar, Ts. (2019). Chto variat na politicheskoi kukhne: aksiologicheskii potentsial kulinarно-gastronomicheskoi metafory v publitsisticheskom diskurse [What is Cooked in the Political Kitchen: The Axiological Potential of the Culinary and Gastronomic Metaphor in Journalistic Discourse]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 241–257.

Submitted on 12 February, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Вводные замечания

Настоящая статья посвящена рассмотрению метафоры в публицистическом дискурсе. Многовековая история изучения проблемы метафоры обусловила разноаспектный подход к интерпретации природы метафоры, ее статусу в языке, закономерностям функционирования: см., например, в рамках системцентрической теории метафоры труды российских ученых [Арутюнова, 1990, 1999; Гак; Скляревская; Телия; и др.]. Активизация антропоцентрической парадигмы в языке во второй половине XX в. определила когнитивный разворот в исследовании метафоры. В свете «экспансионизма» современной лингвистики [Кубрякова, с. 206–211], новых установок в исследовании языка метафора рассматривается как когнитивный процесс, конечной целью которого является способ получения нового знания.

Основоположники теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон в качестве главного методологического посыла выдвинули положение о природной метафоричности концептуальных систем [Lakoff, Johnson]. Аналогия между вещным физическим миром повседневности и воображаемым невидимым миром абстрактных понятий является основным средством познания, понимание носителями языка абстрактных объектов «осуществляется

посредством концептуальных метафор, связывающих абстрактные категории с перцептивно воспринимаемыми процессами и явлениями» [Глебкин, с. 47].

В последние десятилетия теория концептуальной метафоры получила широкое распространение в исследованиях политического дискурса. Политическая метафорология как теория и практика исследования метафор в политической коммуникации позволила представить метафору как инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средство влияния на общественное сознание. Можно сослаться на целый ряд работ зарубежных и российских исследователей, в которых теория когнитивной метафоры в ее применении к политическому дискурсу представляется в многочисленных модификационных вариантах, демонстрирует новые эвристические подходы в русле названного научного направления [Баранов, Караулов; Будаев; Коженевска-Берчинска; Чудинов; Belt; Benoit; Deignan; Drulák; Musolff, 2000, 2006; Turner; и др.].

Артефактная сфера политической метафоры

Несмотря на многочисленные работы в области политической метафоры, остается неисследованным целый ряд понятийных областей, источников метафорического переноса, требующих отдельного детального описания. К такой области, на наш взгляд, относится одна из субсфер бытовой артефактной метафоры — субсфера «К у х н я», весьма продуктивная в политической коммуникации разных стран. См., например, встречаемость в СМИ словосочетания *политическая кухня* с уточняющими характеристизаторами *французская, американская, украинская, немецкая, польская* и др. Метафорический образ кухни устойчив и отражает как общие культурные, так и свойственные человеческому сознанию в целом параллели. На сегодняшний день выполнены исследования, посвященные англоязычному (Великобритания, США, Канада, Австралия и Новой Зеландия) гастрономическому дискурсу [Земскова], русской пищевой метафоре [СРПМ], гастрономической метафоре в сфере немецкой [Керимов] и французской политики [Дормидонтова], в британской прессе [Соловьева] и др.

Несомненный интерес могут представлять сопоставительные исследования, в которых анализ гастрономической метафоры производится в зависимости от основных типов современных цивилизаций — восточной, западной и евразийской. Для реализации этой цели мы исследовали особенности метафорической вербализации кулинарно-гастрономической сферы в языках, манифестирующих соответствующий тип цивилизации, — монгольском (восточная), финском (западная) и русском (евразийская цивилизация).

Источники сбора материала различны. В русском языке это корпус базы данных «Интегрум», вышедшей на рынок мониторинга СМИ в 1996 г. и включающей 3523 источника. В Монголии и Финляндии нет корпусов национального литературного языка и СМИ, поэтому в основу выборки материала легли электронные информативные источники, освещающие политико-экономические

и социально-культурные новости. Кроме того, некоторые из источников являются электронными версиями центральных газет Монголии и Финляндии. Хронологические рамки выборки — 2017–2019 гг. Разные способы выборки материала (корпусный и ручной) не позволяют привести в работе корректные сопоставительно-статистические данные.

Концептуальная сфера «Кухня» упорядочена при помощи фреймо-слотовой структуры, включающей два фрейма: «Пища в целом» и «Приготовление и прием пищи», каждый из которых формируется слотовыми конкретизаторами [Керимов, с. 73]. Сформулированная цель работы — выявить общность метафорического облика политической кухни, свойственного представителям всех типов современных цивилизаций, — при невозможности провести данное сопоставление в полном объеме в рамках журнальной статьи определила ход нашего исследования: наряду с общей характеристикой политической кухни остановиться на анализе типового для политического дискурса слота анализируемой концептосферы, актуализирующего приготовление двух блюд, универсальных для всех политических кухонь, — супа и каши, см. об этом: [Дормидонтова, с. 10; Керимов, с. 75; Соловьева, с. 142], сознательно оставляя за пределами исследования не менее важные номинации, такие как «политический пирог», «торт» и др.

Популярность метафоры кухни как средства концептуализации политической жизни может быть объяснена несколькими причинами, в том числе особенностями аксиологического наполнения данной модели. Кухня и политика — сферы жизнедеятельности, где процесс приготовления пищи, с одной стороны, и проведение самостоятельной политики и принятия решений по каким-либо важным вопросам — с другой, — представляют собой сложное по своей природе явление, требующее определенного мастерства и профессионализма. В результате действий, скрытых от внимания непосвященных, готовится некое «блюдо», качественно не похожее на первоначальный набор исходных компонентов.

Элемент скрытости послужил возникновению языковой метафоры, зафиксированной в словарях, см. переносное значение рус. *кухня* — «скрытая сторона какой-н. деятельности, чьих-н. действий» (разг.) [ТСРЯ, с. 393]; монг. *гал тогоо* — «закулисная сторона» [БАМРС, т. 1, с. 363]; фин. *keittiö* — «(*kuv.*) pääsi työpaikkaan keittiön kautta oikotietä, suhteilla tm.» = «(*непен.*) получил рабочее место через кухню», т. е. используя связи, не через открытый конкурс [KS]. Поскольку тайное в языковой картине мира оценивается скорее отрицательно, то и действия на политической кухне, обусловленные скрытыми мотивами, аксиологически интерпретируются неоднозначно. Социальное и политическое «содержание тайны может означать силу, власть, преимущество, превосходство, или напротив, слабость, страх, уязвимость» [Рябцева, с. 314]. Образ политической кухни как скрытой стороны деятельности является одним из способов языкового описания ментальной «ситуации обмана».

Важной является еще одна аксиологическая составляющая понятия «кухня». В оппозиции *быт* — *бытие* как «приземленное — возвышенное» кухня — символ

профанного в пространстве дома. Для нее характерны каждодневная бытовая реальность, обыденность, рутинность, прагматичность действий. Компонент мира повседневности, кухня часто выступает как изнанка бытия, непривлекательная для посторонних глаз, формирующая негативную характеристику политической деятельности, которая связана с неблагоприятными поступками и нечистоплотными делами людей, вовлеченных в политический процесс. Рассмотрим особенности структурирования концептуальной метафоры «кухня» в политической сфере.

Политическая кухня как пространство принятия решений государственной важности

Донорская база метафоры всегда конкретна, антропоцентрична и устойчива. Источник метафоры диктует языковой единице не отдельные употребления, а целиком когнитивную структуру. Если политика — это кухня, то следует ожидать, что в языке отразятся многие параметры кухни, перенесенные в область политики. Метафорические контексты могут носить развернутый характер с упоминанием всех составляющих прототипичной кухни: субъекта действия, набора продуктов, кухонной утвари, номинаций блюд, процесса приготовления и поглощения пищи. Покажем развернутую метафору на ряде примеров из российских СМИ:

Продолжая тему еды, вспомним выражение «*политическая кухня*». На ней соответственно имеется *политический повар*, *политические продукты* (которые хранятся в *политическом холодильнике*), а у них — *политический срок годности*. Так вот, продукты, из коих приготовлена сегодняшняя *политическая трапеза*, давно протухли. И какое блюдо из них ни *стряпай*, будет оно *несъедобно* и опасно для жизни (АиФ; 12.08.2014);

Тем более культурные и *политические «кашевары»* современной жизни на самом деле *кладут в горшок вместе с крупной топоры* и другие колюще-режущие изделия для своего корыстного *навара*. Современные сценаристика, режиссура и кинематограф *кладут на маленький кусочек хлеба огромные куски человеческого мяса, поджаренные на шипящем масле сквернословия, и заливают майонезом сексуального извращения*. Аппетитные «*фаст-фуды*» и «*хот-доги*» *духовной пищи и прочие искусы с голливудской начинкой* уничтожают тонкости русской души, приобретая формы зрелищного ожирения (Мамоновские вести; 10.12.2008).

Чаше в публицистическом дискурсе используются лишь отдельные параметры многокомпонентной структуры метафоры, важные для характеристики той или иной политической ситуации. Например:

Читателям-зрителям ясно, что *состряпанные* на такой «*политической кухне*» блюда малосъедобны (Родина; 10.12.2013);

Некие *повара на политической кухне* уже в понедельник запустили *горелки на полный газ*, и эфир заволокло *едким дымком* очередного скандала (Литературная газета; 27.09.2000);

Монголын их улс төрийн “*жинхэнэ хор*” ил биш, далд тогоонд ид буцалж байна («*Истинный яд*» большой монгольской политики по-настоящему *кипит* не открыто, а в *скрытой кухне*») [Тооллого];

Suomalaisessa *politiikassa kiehuu* («Финская политика *кипит*») (Suomen uutiset; 08.08.2016).

Общий метафорический образ политической кухни обладает негативно заряженным фоном, ассоциируясь с непривлекательно грязной стороной кухонной жизни как воплощением профанности бытия, формируя метафору «политика — это грязное дело»:

Совсем недавно *отвратная пища с грязной политической кухни* Доренко и тех, кто стоит за ним не в *грязном фартуке*, а в дорогих костюмах, была *приправлена тухлыми помидорами* в прямом эфире, да еще в охраняемой студии (Советская Россия, Москва; 15.11.2001);

Үнэхээр манай энэ *улс төрийн бохир тогоонд* ялзартлаа чанагдсан хүмүүсийн зарим нэгэн эрүүл суурьтай хүмүүст ...зөв замруу шилжүүлэх гэсэн зориг эрмэлзэл төрөх аваас түүнээс илүү шилдэг боловсон хүчин гэж үгүй болно («Лучших кадров не будет, если только у тех, кто *переварился в грязном политическом котле* и имеет здравую позицию, не появится стремление направить в правильное русло») [Номинчимэд];

Нам бол *улс төрийн бохир тогоо* юм («Партия — это *грязный политический котел*») [Тооллого].

В финском языке метафора «политика — это грязное дело» реализуется в рамках другой метафорической модели — «политика — это грязная игра»:

Politiikat ovat etäällä äänestäjästä, *politiikka on likaista peliä* ja raha ratkaisee («Политики находятся далеко от народа, *политика — это грязная игра*, и деньги решают всё») [Mäkinen].

Характеристика доминантных параметров политической кухни

Важными компонентами анализируемой метафоры являются глаголы, передающие процесс приготовления пищи: «варить», «вариться», «кипеть», «пениться», «бурлить», «пузыриться» и др. Глаголы метафорически передают ситуацию активной и бурной политической деятельности в определенных социальных условиях — выяснения напряженных отношений, столкновения противоположных интересов и взглядов.

Типовым признаком при глаголах приготовления пищи выступает признак «имеющий высокую температуру». Проецируемый на метафорические контексты признак актуализирует интенсивность политических действий:

Завтрашний день России сегодня не берется предсказать никто. Слишком уж непонятно *варево*, которое *кипит* на *политической кухне* (Московский комсомолец; 24.02.2000);

Температура страстей вокруг 1000-летия Казани достигала весьма высоких отметок, *политический казан бурлил* всюду (Регион-Информ-Москва; 08.09.2005);

Ханш нээгдэж, хаврын чуулган эхэлсэн энэ өдрүүдэд улс төрийн *гал тогоо* МАН-ын жагсаал, ардчиллын 23 насны төрсөн өдөр, Ерөнхийлөгчийн шударга хатуу үг гэх мэт сэдэв ихтэй, үйл явдал арвин өнжив («В этот день, день открытия весенней сессии парламента, *в политической кухне кипят* тематически богатые события. К примеру, демонстрация монгольской народной партии, 23-й день рождения демократии, строгие и честные слова Президента и т. д.») (Өглөөний сонин; 18.12.2017);

Demarileirissä *kuohiui* nyt *pahasti* («В лагере социал-демократов *сильно бурлит*») (Iltalehti; 11.02.2019).

Политическая деятельность занимает на температурной метафорической шкале крайнее положение — сектор «горячий». Интенсивность политической жизни подчеркивают разные языковые средства. Так, в классе «температурных» лексем в языковой картине мира существуют всегда горячие объекты — это «огонь», «кипяток» и «пар», типичные для кухонной атмосферы. «К классу всегда горячих <...> объектов примыкают имена артефактов, обозначающих специально горячие <...> объекты: это, конечно, еда и напитки. В большинстве своем еда имеет специально высокую температуру (выше человеческого тела) — ср. *чай, картошка, суп* и под.» [Рахилина, с. 234]:

На киевской *политической кухне* сейчас *варятся* весьма горячие блюда (Правда КИРФ; 21.04.2014);

Даже я, имея дело с *горячей политической кашей* в газете, не совсем четко могу обозначить, что такое смена курса, на чем настаивает оппозиция (Завтра; 21.05.2002);

Новый роман Александра Проханова под названием «Крым» — это *горячий пирожок с пылу с жару политической кухни* (Независимая газета; 15.10.2014);

Poliittinen kuuma peruna («Политический горячий картофель») (Kaleva; 02.08.2018);

Улс төрийн тогоонд “*халуун шөл*” даргилсан 2010 он («2010 год, когда *бурлил “горячий суп” в политическом котле*») [Нямсүрэн].

Одним из ярких вербализаторов температурного маркера «горячий» является посуда для варки пищи:

Таким нехитрым способом партийцы пытались охладить местную *раскаленную политическую «сковороду»* (Северный Кавказ (Нальчик); 09.08.2006);

Власть не могла определиться, что делать в этой ситуации на выборах, то ли снять крышку с *закипающей политической кастрюли*, то ли прижать ее покрепче с риском *ошпариться* (Советская Россия; 31.10.2009);

Неспокойно нынче в *политической кастрюле*. *Булькает* всё интенсивней. Со дна поднимаются пузыри, раздуваются и лопаются на поверхности с характерным звуком и запахом. *Варево вот-вот закипит*. Неудивительно. В конце марта в Городищенском районе состоятся довыборы депутата областной думы (Интер (Волгоград); 24.01.2013).

В ряду номинаций кухонной посуды, кроме типичных для кухни артефактов — кастрюли и сковороды, — особое место занимает лексема *котел* «большой металлический круглый сосуд для нагревания воды, варки пищи» [ТСРЯ, с. 372], метафорическое значение которой фиксируют словари русского языка, см., например: «*вариться в котле* каком (неодобр.) — постоянно находиться в какой-н. активно действующей среде, окружении» [Там же]:

Поварившись три года в политическом котле, Виктор Аксютин скажет: «Я понял, что политика — ужасно грязное и неблагодарное дело» (Обозреватель; 1993; 29).

Котел в наибольшей степени передает высокий температурный режим работы на кухне, создавая ассоциативный ряд с адским котлом, с адской политической кухней. Артефакт, метафорически передающий семантику высокой «смертельной» интенсивности политической деятельности, отчасти диктует свою волю человеку, позволяя утверждать: «Не только ‘человек — мера всех вещей’, но в известном отношении и обратно: ‘вещь — мера всех людей’» [Топоров, с. 17]. См. контексты из русского и монгольского языков:

Преступный во всех отношениях Беловежский сговор <...> должен быть исторически преодолен любыми способами, вплоть до военных, иначе все наши надежды на приемлемое будущее, по геополитическим раскладам тех же Бжезинского, Киссинджера и других инсайдеров *адской политической кухни*, попросту будут сведены к нулю (Завтра; 19.10.2011);

Тамын тогооноосоо гарч, завхарсан төрийн тогтолцоогоо аврах чин хүсэл байгаа л бол Байнгын хороон дээр дэмжсэн дээрх саналуудыг чуулган дээр “унагах” ёстой («Если есть истинное желание выйти из *адского котла* и спасти искаженную государственную систему, то предложения, которые были поддержаны на Постоянном комитете, должны “провалиться”») (Өнөөдөр; 23.01.2014).

В финском языке сочетание *политический котел* не употребляется в СМИ, встречаясь только в блогах пользователей интернета:

Koko 1950-luvun valtiollinen politiikka on mitä jännittäväintä luettavaa. *Poliittinen kattila kiehuu* juonittelua, kamppailusta ja askelmerkkien tauotonta laskentaa («Все 1950-е годы государственная политика представляет собой очень интересное чтение. *Политический котел кипит* интригами, подножками и постоянным выбором отметок») [Pekka Perttula].

Субъект политических действий — профессиональный политик — в составе метафоры может выступать как активный (политический «повар» или «кашевар» / «суповар»), так и пассивный деятель в ситуации, когда метонимически политическая кухня представляет собой вместилище («котел» / «кастрюлю»), в котором варятся политики:

Но *политические повара*, создатели управляемой демократии, лихие управдемы и расторопные демуправы хотят украсить наше меню чем-то историческим (Дело (Санкт-Петербург); 27.12.2004);

Политическим кашеварам нельзя готовить свои блюда на дрожжах прошлого, если они не хотят отравить едоков (Русский курьер; 31.03.2005).

Ср.: Эксперты вообще считают, что президентом любой страны может стать только человек, который *варится в политической кухне* не менее пяти лет (Тихоокеанская звезда; 16.11.2005);

Мы живем сами по себе, а *политики варятся в своем котле* (Вёрсты; 03.04.2001);

МАХН гэдэг бол зүгээр л *бантан хутгагч* болсон байсан одоо харин цэгцрэх байх гэдгийг тэр хэлсэн юм («Он сказал, что Монгольская народно-революционная партия, которая стала просто *кашеваром*, сейчас должна исправляться») [Батаа];

Төрийн байгууллага маань өөрөө “*бантан хутгагч*” болчихоод байх юм («Глядишь, государственные органы иногда сами превращаются в “*кашевара*”») [Нэр дэвшигч...].

Ср.: Би сүүлийн хорин жил *улс төрийн тогоонд буцалж байна* («Я варюсь в политической кухне последние двадцать лет») [Улс].

Presidentti ei sietänyt veneenkeikuttajia, ennustajaeukkoja eikä *sopankeittäjiä* («Президент не терпел раскачивающих лодку, предсказательниц и *суповаров*») (Iltalehti; 29.07.2009).

Ср.: Luotan hallituksen harkintaan tässä asiassa. Tässä on jo sen verran monta *sopankeittäjää*, että minä taidan pitää oman lusikan pois tästä sopasta, — Kaikkonen toteaa («Я доверяю обсуждению правительства в этом деле. Здесь уже столько *суповаров*, что я, пожалуй, не опущу свою ложку в этот суп, — утверждает Кайкконен [депутат парламента]») (Demokraatti; 30.09.2017).

Субъект политической деятельности в функции пассивного объекта приготовления пищи может быть конкретизирован в виде конкретного «политического» продукта. В частности, общими для русского и финского языков является ряд устойчивых сочетаний, например: «политический бройлер» — человек, который с юности готовит себя к политической деятельности; «политические сливки» — политическая элита общества (в монгольском языке данные фразеологические единицы отсутствуют), например:

«Едроссы» запустили проект *политических бройлеров* (Советская Россия; 20.06.2006);

“Ei kukaan ole ainakaan pystynyt loukkaamaan sillä, että olisi sanonut, että olen *poliittinen broileri*” sanoo Hyrkkö ja kohauttaa hartioitaan («“Никто, по крайней мере, не смог бы мне навредить, сказав, что я *политический бройлер*”, — сказал Гиркко и пожал плечами») [Heikkilä];

Возмущаемся, что у экономических и *политических сливок* общества есть и деньги, и власть (Монитор (Н. Новгород); 26.07.1999);

Porin *poliittinen kerma* kokoontuu ensi viikolla pohtimaan vaivoin kasaan saadun ja väljäksi jääneen Pori-sopimuksen lukuisia kipukohtia («*Политические сливки* города Пори будут собираться на будущей неделе для того, чтобы обсуждать больные пункты Пори-договора, который был заключен с трудом и который остался неопределенным») (Satakunnan kansa; 07.01.2018).

Суп и каша — универсальные блюда политической кухни

Кулинарно-гастрономическая сфера — это культурно-специфическая система практик приготовления пищи, набора продуктов и их сочетаний. Репрезентативный характер универсальной пищевой метафоры обусловил трансляцию ядра гастрономических блюд политической кухни разных стран. К основным блюдам политической кухни относятся прежде всего *суп* и *каша*.

Общее в приготовлении данных блюд — это процесс беспорядочного смешивания определенных ингредиентов в кипящем состоянии. Кулинарная процедура ассоциируется с беспорядочным столкновением ситуаций политической и социальной жизни внутри страны и на международной арене. Различие состоит в том, что приготовление супа связано с процессом приготовления продуктов в кипящей жидкости и образно уподобляется жизни в определенной социальной среде, а каша — кушанье, сваренное из крупы, с одной стороны, ассоциируется с образом вязкого, бесформенного состояния политических дел, с другой стороны, метафорически представляет путаницу политических событий, общественных явлений и фактов действительности. См., например, контексты, включающие понятие «политический суп»:

Людей, отказывающихся использовать до сих пор не остывший трагический жар войны для разогревания нынешнего политического супа, на телевидение сейчас приглашают не так уж часто (Парламентская газета; 26.06.2001);

В бурлящем и пересоленном политическом супе страны то и дело возникали неизвестные доселе личности, в одночасье становившиеся кумирами или объектами ненависти миллионов (Новости Югры; 12.06.2003);

Нэг жил улс төрийн тогоонд буцалсан “халуун шөл” — ийг уншигч тантай хамтдаа хуваалцъя («Давайте, уважаемый читатель, поделимся “горячим супом”, который год варился в политическом котле») [Нямсүрэн];

Kouluriidoista kehkeytyi poliittinen soppa Padasjoella («Ссоры вокруг школ пре-
вратились в политический суп в Падасйоки») (Etelä-Suomen Sanomat; 03.12.2015);

Kukaan ei Barcelonassa tunnu tietävän tai edes arvaavan, mihin meneillään oleva poliittinen soppa päättyy («Кажется, никто в Барселоне не знает или даже не предполагает, когда кончится происходящий политический суп») (Iltalehti; 30.10.2017).

Наряду с нейтральной лексемой *суп* в русском языке есть ряд единиц, номинирующих горячее жидкое кушанье. Это *похлебка*, *варево* «(прост.) жидкая пища, род супа из картофеля или крупы» [ТСРЯ, с. 710]. Овощной суп, традиционное блюдо русской кухни, воспринимается как дешевая повседневная пища, которая дает представление о малозначимости приготовленного политического «блюда»:

Политическая похлебка, приготовленная давно немытыми руками (Журналист; 16.04.2002);

В итоге к моменту выборов была съедена критическая масса этого суррогатно-политического варева (Московские новости; 23.01.2004).

Представим контексты с политической «кашей»:

Шуналын дэв нь арилдаггүй 55–65 насныхан Монголын улс төрд хор найруулан холион *бантан хутгасаар* байх юм («В возрасте 55–65 лет, однако беспредельно жадные, и еще *готовят яд* для монгольской политики, *мешают кашу*») [Энхцэцэг];

Kokoomusedustaja: Oppositiolla ja ay-liikkeellä *puurot ja vellit* sekaisin («Депутат Коалиционной партии: Оппозиция и профсоюзы путают *кашу* и *кашу-размазню*») (Etelä-Suomen Sanomat; 15.09.2015).

Нейтральной в данном текстовом фрагменте финской прессы обычной каше противопоставляется каша-размазня (жидкая каша), которую и в русской пищевой традиции недолюбливают, считая ее испорченной. Метафорическое проецирование на политическую сферу обозначает отсутствие твердых убеждений, четкой политической позиции политических деятелей. Разные виды каш есть и в русском материале:

Но те, кто стремится дискредитировать Всемирные игры, варят скверную *политическую кашу* (Правда-КПРФ; 18.04.2008);

До работы в администрации я трудился на заводе в такой же должности. О прежней работе не жалею. К любым изменениям нужно относиться философски. А здесь передо мной ставятся четкие, конкретные задачи, здесь нет *политической размазни* (Нижегородский рабочий; 20.04.2004).

Стоит отметить, что каша — это типичное блюдо в русской пищевой традиции, поэтому с лексемой *каша* в русском языке существует целый ряд глагольных фразеологизмов с отрицательной коннотацией. Употребление их в политическом дискурсе формирует оценочно-негативный фон восприятия различных фактов политической действительности. Негативность усиливается атрибутивными характеристиками словосочетания *политическая каша*, например:

каши не сваришь «(разг. неодобр.) не сговоришься, не сделаешь дела с кем-н.» [ТСРЯ, с. 330];

Без средств никакой *серьезной политической «каши» не сваришь* (Российская газета; 15.11.2000);

заварить кашу «(разг. неодобр.) затеять хлопотливое дело» [ТСРЯ, с. 330];

И если, зная все это, две партии все же решаются *заваривать всю эту безвкусную политическую кашу* — тем самым они проявляют политическую безответственность классических аутсайдеров (Известия; 17.06.2003);

Я говорю все это с единственной целью: чтобы наглядно показать, насколько здесь, в *политической-амбициозной-денежной-кадровой-шкурной каше, заваренной красными королёвцами*, ни при чем сам Елец с его жителями и проблемами (Новая газета; 24.05.1999);

расхлебать кашу «(разг. неодобр.) распутать хлопотливое дело» [ТСРЯ, с. 330];

Вот так, решение приняли в верхах, а *расхлебывать несъедобную политическую кашу*, как это часто бывает, приходится на местах, простым людям (Деловая трибуна; 18.04.2002).

Даже пословица *Кашу маслом не испортишь*, заряженная положительным смыслом, в политическом контексте претерпевает аксиологическую трансформацию — происходит изменение полюса оценки с положительного на отрицательный:

И лучше от этого *политического «масла»* спортивная «каша» не становится (Известия Удмуртской Республики, Ижевск; 03.10.2000).

Выводы

Восприятие и экспликация социально-политического сегмента языковой картины мира в понятиях и реалиях предметно-материальной стороны жизнедеятельности человека объясняется высокой значимостью и доступностью питания в повседневной жизни человека. Метафорическая модель «политика — это кухня», охватывая номинации личностно-бытовых артефактов, обладает оценочно-характерологическим потенциалом и представляет область политики как сложный функциональный механизм.

Метафорический образ политической кухни устойчиво реализуется в разных языках в зависимости от конкретной ситуации, отражая инвариантный, единый, свойственный человеческому сознанию в целом образ. В картинах мира разных языков представлены многие параметры кухни, перенесенные в область политики.

Эксплуатация кулинарно-гастрономической метафоры способствует мобилизации знаний, стереотипно закрепленных за образом «политическая кухня». Это сфера политической деятельности, заикленная на интенсивной внутрипартийной жизни, которая передается «температурными» лексемами разных частей речи: глаголами «варить», «вариться», «кипеть», «бурлить», «пениться», «ошпариться»; существительными «огонь», «кипяток», «пар»; прилагательными и причастиями: «горячий», «раскаленный», «бурлящий». Универсальные блюда всех политических кухонь — «каша» и «суп», приготовление которых связано с беспорядочным смешиванием ингредиентов в кипящем состоянии, характеризуют сложность и неконтролируемость активной политической жизни.

Все языковые единицы, с помощью которых процесс приготовления пищи изображен метафорически, имеют аксиологический потенциал. Метафора, эксплицируя векторы политической деятельности, отражает прежде всего негативные прагматические смыслы. Осмысление политической реальности в терминах кулинарного дела формирует представление о политике как о грязной неприглядной деятельности, результаты которой имеют подчас некачественный характер. Кулинарно-гастрономическая метафора вовлекает в свой дискурс

также метафору грязи, что усиливает негативную характеристику политической деятельности.

Можно спорить о том, в какой мере политика разных стран дает основание для подобного рода оценок. Однако нельзя не обратить внимания на то, что использование кухонной метафоры негативно сказывается на облике политики, фиксируя типичное недовольство общества деятельностью политиков.

Источники

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4 т. / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН / под общ. ред. А. Лувсандэндэв и Ц. Цэдэндамба. М. : Academia, 2001–2002.

Батаа Н. МАХН дотор холион бантан хутгадаг үзэгдэл газар авсан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sonin.mn/news/easy-page/18719> (дата обращения: 23.01.2019).

Номинчимэд Б. Улс төрийн хүчний шинэ хуваарилалт хийх цаг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trends.mn/print/4306> (дата обращения: 23.01.2019).

Нэр дэвшигч нь хүртэл залхсан сонгууль [Электронный ресурс]. URL: time.mn/n/6XU (дата обращения: 23.01.2019).

Нямсүрэн Б. Улс төрийн тогоонд “халуун шөл” даргилсан 2010 он [Электронный ресурс]. URL: <http://news.gogo.mn/r/81223> (дата обращения: 23.01.2019).

Тооллого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arawt.mn>.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008.

Улс [Электронный ресурс]. URL: <https://mn.wiktionary.org/wiki/улс> (дата обращения: 23.01.2019).

Энхцэцэг Ц. 24 нас минь 50 настнуудын өмнөөс ичээд байна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topmedee.mn/newsprint/2460> (дата обращения: 23.01.2019).

Өглөөний сонин. 2017.

Өнөөдөр. 2014.

Demokraatti. 2017.

Etelä-Suomen Sanomat. 2015.

Heikkilä M. Poliittiset broilerit karaokessa [Electronic resource]. URL: <https://ainolehti.fi/aino/poliittiset-broilerit-karaokessa/> (accessed: 23.01.2019).

Iltalehti. 2009; 2017; 2019.

Kaleva. 2018.

KS — Kielitoimiston sanakirja [Electronic resource]. URL: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi> (accessed: 23.01.2019).

Mäkinen J.-H. Nykypoliitikko pilaa demokratian maineen [Electronic resource]. URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10483083> (accessed: 23.01.2019).

Pekka Perttula: Äidin poika. V.J. Sukselainen hyvinvointiyhteiskunnan rakentajana [Electronic resource] // Annelin kirjossa. URL: <https://annelinkirjoissa.wordpress.com/2017/08/09/pekka-perttula-aidin-poika-v-j-sukselainen-hyvinvointiyhteiskunnan-rakentajana/> (accessed: 23.01.2019).

Satakunnan kansa. 2018.

Suomen uutiset. 2016.

Исследования

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; [авт. примеч. М. А. Кронгауз]. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. М. : Помовский и партнеры, 1994.
- Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил : НТГСПА, 2011.
- Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / [В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф и др.]; отв. ред. В. Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1988. С. 11–26.
- Глебкин В. В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014.
- Дормидонтова О. А. Семантические особенности французской гастрономической метафоры (на примере области источника готовые блюда) // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка : материалы науч.-практ. конф. / [ред. колл.: О. А. Дормидонтова (отв. ред.) и др.]. Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 9–12.
- Земскова А. Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Волгоград, 2009.
- Керимов Р. Д. Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики // Полит. лингвистика. 2005. № 15. С. 71–79.
- Коженевская-Берчинская Й. Метафорическая экспрессия в российском публицистическом пространстве // Русский язык в центре Европы. 2008. № 1. С. 14–19.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Изд. центр РГГУ, 1995. С. 144–238.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Рус. словари, 2008.
- Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. М. : Academia, 2005.
- Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993.
- Соловьева А. С. Метафорический образ Евросоюза в британской и российской прессе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Екатеринбург, 2015.
- СРПМ — Словарь русской пищевой метафоры / под ред. д-ра филол. наук Е. А. Юриной. Томск : Изд-во ТГУ, 2015. Т. 1 : Блюда и продукты питания / [сост.: А. В. Боровкова и др.].
- Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.]; отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 173–204.
- Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Прогресс — Культура, 1995.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003.
- Belt T. L. Metaphor and political persuasion. Los Angeles : Univ. of Southern California, 2003.
- Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The “bridges” of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // Communication Studies. 2001. Vol. 52. P. 70–84.
- Deignan A. MIP, the corpus and dictionaries: What makes for the best metaphor analysis? // Metaphor and the Social World. 2015. Vol. 5 (1). P. 145–154.
- Drulák P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12 (4). P. 499–531.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980.
- Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. Munich : Iudicium, 2000.
- Musolff A. Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. Vol. 21. № 1. P. 23–38.
- Turner M. The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark. Oxford : Oxford Univ. Press, 2014.

References

- Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. In N. D. Arutyunova, & M. A. Zhurinskaya, *Teoriya metafor* [Metaphor Theory] (pp. 5–32). Moscow: Progress. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (1999). *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
- Baranov, A. N., & Karaulov, Yu. N. (1994). *Russkaya politicheskaya metafora* [Russian Political Metaphor]. Moscow: Pomovsky i partner. (In Russian)
- Belt, T. L. (2003). *Metaphor and Political Persuasion*. Los Angeles: University of Southern California.
- Benoit, W. L. (2001). Framing through Temporal Metaphor: The “Bridges” of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 Acceptance Addresses. *Communication Studies*, 52, 70–84.
- Budayev, E. V. (2011). *Sopostavitelnaya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Nizhny Tagil: NTGSPA. (In Russian)
- Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaics in Modern Political Communication]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russian)
- Deignan, A. (2015). MIP, the Corpus and Dictionaries: What Makes for the Best Metaphor Analysis? *Metaphor and the Social World*, 5(1), 145–154.
- Dormidontova, O. A. (2017). Semanticheskie osobennosti francuzskoy gastronomicheskoy metafor (na primere oblasti istochnika gotovye blyuda) [Semantic Features of the French Gastronomic Metaphor (with Reference to the Source Area of Ready Meals)]. In O. A. Dormidontova (Ed.), *Aktual'nye problemy romano-germanskoj filologii i metodiki prepodavaniya inostrannogo iazyka* [Relevant Issues of Romance and Germanic Philology and Methods of Teaching a Foreign Language] (pp. 9–12). Lipetsk: LGPU im. P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo. (In Russian)
- Drulák, P. (2006). Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration. *European Journal of International Relations*, 12(4), 499–531.
- Gak, V. G. (1988). Metafora: universalnoye i spetsificheskoye [Metaphor: The Universal and the Specific]. In V. N. Teliya (Ed.), *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text] (pp. 11–26). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Glebkina, V. V. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoy semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokulturnym modelyam* [Paradigm Shift in Linguistic Semantics: From Isolationism to Socio-Cultural Models]. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian)
- Kerimov, R. D. (2005). Gastronomicheskaya metafora v sfere nemetskoj politiki [Gastronomic Metaphor in German Politics]. *Politicheskaya lingvistika*, 15, 71–79. (In Russian)
- Kozhenevskaya-Berchinskaya, I. (2008). Metaforicheskaya ekspressiya v rossiyskom publitsisticheskom prostranstve [Metaphorical Expression in Russian Media Space]. *Russkij iazyk v tsentre Evropy*, 1, 14–19. (In Russian)
- Kubryakova, E. S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka [The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century]. In Yu. S. Stepanov (Ed.), *Iazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Scholarship of the Late 20th Century] (pp. 144–238). Moscow: RGGU Publishing Centre. (In Russian)
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Musolf, A. (2000). *Mirror Images of Europe. Metaphors in the Public Debate about Europe in Britain and Germany*. Munich: Iudicium.
- Musolf, A. (2006). Metaphor Scenarios in Public Discourse. *Metaphor and Symbol*, 21(1), 23–38.
- Rakhilina, E. V. (2008). *Kognitivnyj analiz predmetnykh imen: semantika i sochetnost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Combinability]. Moscow: Russkie slovari. (In Russian)
- Ryabtseva, N. K. (2005). *Iazyk i estestvennyj intellekt* [Language and Natural Intelligence]. Moscow: Academia. (In Russian)
- Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the Language System]. St Petersburg: Nauka. (In Russian)

Solovyeva, A. S. (2015). *Metaforicheskiy obraz Evrosoyuza v britanskoj i rossijskoj presse* [The Metaphorical Image of the European Union in the British and Russian Press] (doctoral dissertation). Yekaterinburg. (In Russian)

Teliya, V. N. (1988). Metaforizatsiia i ee rol' v sozdanii iazykovoj kartiny mira [Metaphorization and Its Role in Creating a Linguistic Picture of the World]. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and Worldview] (pp. 173–204). Moscow: Nauka. (In Russian)

Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of the Mythopoetic]. Moscow: Progress — Kultura. (In Russian)

Turner, M. (2014). *The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark*. Oxford: Oxford University Press.

Yurina, E. A. (Ed.). (2015). *Slovar' russkoj pishchevoj metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor] (Vol. 1: *Bliuda i produkty pitaniia* [Food and Beverage]). Tomsk: TGU Press. (In Russian)

Zemskova, A. Yu. (2009). *Lingvosemioticheskie harakteristiki angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa* [Linguistic and Semiotic Features of English Gastronomic Discourse] (doctoral dissertation abstract). Volgograd. (In Russian)

Вепрева Ирина Трофимовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: irina_vepreva@mail.ru

Vepreva, Irina Trofimovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
of the Department of the Russian Language,
General Linguistics, and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: irina_vepreva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2230-1985
Scopus ID: 57034099900

Мустайоки Арто

доктор философии, профессор
факультета современных языков
Хельсинкский университет
FI-00014 Helsinki, Finland, Vuorikatu 5B
E-mail: arto.mustajoki@helsinki.fi

Mustajoki, Arto

PhD, Professor of the Russian Language
and Literature
Department of Modern Languages
University of Helsinki
FI-00014 Helsinki, Finland, Vuorikatu 5B
Email: arto.mustajoki@helsinki.fi
ORCID: 0000-0002-6609-7090
Scopus ID: 24788409900

Магсар Цэвээний

доктор филологических наук, профессор
Монгольский государственный
университет образования
49/807 Улан-Батор, Монголия, р-н Сухэ-
Баторский, ул. Бара тойруу-14
E-mail: tsmagsar@mail.ru

Magsar, Tseveenii

PhD (Philology), Professor
Mongolian State University of Education
District of Sukhe-Bator, Buga toiruu—14 Str.,
49/807 Ulan-Bator, Mongolia
Email: tsmagsar@mail.ru